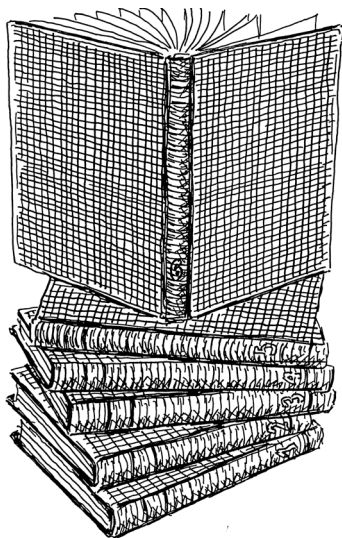

Лексикография**«Ушаковская эпопея»***Неизвестные страницы знаменитого словаря*

© О. В. НИКИТИН,

доктор филологических наук

В статье рассказывается о событиях из области лексикографической практики 1930-х гг., связанных с работой над знаменитым «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. Автор анализирует факты и приводит оценки противоречивых обстоятельств в научной полемике того времени, вводит и комментирует новые архивные материалы.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, семантика, языковая политика, научная дискуссия, язык и идеология.

The article tells about events from the field of lexicographical practice of the 1930s, associated with work on the famous «Explanatory dictionary of Russian language» edited by D.N. Ushakov. The author analyzes the facts

and results of the evaluation of conflicting circumstances in the scientific debate of the time, introduces and comments on new archival materials.

Key words: lexicography, explanatory dictionary, semantics, language policy, academic discourse, language and ideology.

В 2015 г. самый известный словарь XX века – «Ушаковский» – отметил свой юбилей – 80-летие со времени выхода в свет первого тома. В свое время его издание стало событием не только в научной и общественной жизни страны, но и большим культурным явлением. Отклики на «Словарь» горами приходили на дом к его редактору. Этот тезаурус обсуждали многие: студенты, педагоги, научные работники, просто читатели... Справедливо высказывание С.И. Ожегова о том, что «Ушаковский словарь» «подвел итоги всей русской лексикографии». Он заложил основы акцентологической, грамматической, семантико-стилистической нормализации русского литературного языка [1].

С годами «Ушаковский словарь» постепенно стал обрастать легендами и загадками. Некоторые из них имели под собой историческую основу, другие же – просто «изобретались» талантливыми филологами. Мы же расскажем о тех загадках и фактах, которые действительно интересны и показательны, но главное – не искажают исторической правды.

Почему словарь называют *Ушаковским*? – этот вопрос, наверное, мы не раз задавали себе, – ведь у него есть официальный титул, отраженный во всех библиотечных каталогах: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. «Народное» название «Словаря» – признание заслуг виднейшего русского филолога и педагога, члена-корреспондента АН СССР Д.Н. Ушакова (1873–1942), который еще в начале 1920-х годов был одним из руководителей проекта создания толкового словаря, так и оставшегося неосуществленным. Когда опять, в конце 1920-х гг., возникла идея подготовить новый словарь [2], Д.Н. Ушаков был первым из ученых, кто взялся за осуществление этого объемного и ответственного труда.

Стоит заметить, что такое неофициальное название имеют и другие известные книги: так, «Словарь церковнославянского и русского языка» (тт. I–IV. СПб., 1847), изданный Вторым отделением Императорской Академии наук, нередко называют *Востоковским* (по имени одного из редакторов и разработчиков академика А.Х. Востокова), первый академический нормативный толковый «Словарь русского языка» вскоре начали называть *Словарем Грота – Шахматова* (по имени инициаторов и первоначальных составителей этого издания), а проектировавшийся в конце 1930-х – начале 1940-х гг. по инициативе С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, их коллег Г.О. Винокура, В.А. Петросяна и др. популярный малый толковый словарь, – впоследствии стал называться *Ожеговским* (по имени его составителя, завершившего эту работу).

Но все же «Ушаковский словарь» – это лексикографический опыт особого свойства. Его инициатором и вдохновителем, по сути дела, организатором

всей (и не только научной, но и технической и т. д.) работы был Дмитрий Николаевич Ушаков, собравший высококвалифицированный состав ученых, многие из которых были его *учениками*: В.В. Виноградов – уже тогда известный специалист по истории русского языка и современному языкознанию, Г.О. Винокур – знаток поэтического языка, пушкинист, Б.А. Ларин – крупный филолог и лингвист, специалист по древним языкам, компаративистике и социолингвистике, С.И. Ожегов – тонкий филолог и впоследствии большой организатор лексикографического дела в стране и, наконец, Б.В. Томашевский – известный текстолог и стилист, знаток русской классики. И все они в той или иной мере *жили* единым замыслом Д.Н. Ушакова.

Вторая загадка связана с датой выпуска первого тома «Словаря». Иногда мы можем видеть ссылку на 1934 год [3], но чаще всего – на 1935 [4]. Почему так получилось? Или авторы статей просто путают время издания? Отнюдь нет. Дело в том, что первый том «Ушаковского словаря» действительно печатался дважды: в 1934 и 1935 годах. Первый тираж был очень незначительным и сохранился в малом количестве (его можно сейчас отыскать только в единичных экземплярах), и печатание «Словаря» приостановили по цензурным соображениям после так называемой «ленинградской дискуссии». Поводом для нее послужила статья К. Казимирского и М. Аптекаря «Игры» [5], «разоблачавшая» «Словарь», который, по их мнению, «не дает представления об образцовом русском языке. Пронизывающие “Словарь” образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, “которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся”». И далее: «Нельзя назвать современным словарь с поповскими терминами, при резком недостатке терминов технических и особенно политических (отсутствует, напр., Красная армия, Красная гвардия и т. д.)». Вскоре в «Литературной газете» появилась ответная статья Д.Н. Ушакова «Вокруг “Толкового словаря”» с разбором критики и указанием на её основной прицел – «желание очернить в глазах советского общественного мнения серьезное культурное начинание» [6].

В декабре 1935 г. в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде и произошла эта дискуссия, имевшая своей целью низвергнуть авторов-составителей этого «Словаря», разрушить их планы и, по сути, уничтожить сам «Словарь» (см.: [7]). Отрывки из писем участников той дискуссии доносят до нас очень непростую, драматическую ситуацию, в которой необходимо было отстаивать «Словарь». Главным обвинителем на этом «процессе» был известный маррист В.Б. Аптекарь, выступавший с «громовой речью» два с половиной часа «о вредительстве и политической преступности ряда определений», «о поповском и мещанском идеологическом базисе» (см. об этом подробнее [8. С. 84 и далее]). Б.А. Ларин, лично участвовавший в этой дискуссии, в одном

из писем подвел такой неутешительный итог: «Победителями нас никак назвать нельзя, хотя противник и был сильно побит и обесчещен. В кругах наиболее культурных наша защита Толкового Словаря признана блестящей и по организованности, и по форме, и по содержанию, но средний и запуганный слушатель ушел под впечатлением “острых и непровержимых” политических обвинений, под впечатлением длинного ряда высказываний об антисоветскости и буржуазном тоне и содержании Т(олкового) Сл(оваря)» [Там же].

В силу понятных обстоятельств издание последующих томов, готовых к печати, приостановили. Ввиду полученного громкого резонанса приняли решение пересмотреть отдельные статьи и уточнить их «марксистский» смысл. Для этого «Словарь», начиная со второго тома, стал официально курировать известный партийный деятель Б.М. Волин, который, впрочем, мало что понимал в лексикографии. С одной стороны, составителей урезали в правах, и, сопротивляясь, они вынуждены были подчиниться решению «сверху», но с другой (и это главное) – все участники ушаковского «Словаря» избежали печальной участи быть ссыльными и заключенными.

А такая угроза существовала, ведь «репутация» «Словаря» страдала еще и оттого, что один из его участников, В.В. Виноградов, как раз именно в самую полемическую пору был репрессирован и провел два года, с 1934 по 1936, в Вятке. Вернувшись, он уже не участвовал в работе над II–IV тт., но его имя на титуле было восстановлено. Получился такой парадокс, о котором рассказала Т.Г. Винокур: «После ареста В.В. Виноградова его имя было снято со шмуцтитула “высочайшим повелением”. Известно, что Дмитрий Николаевич добился приема у В.М. Молотова и настоятельно просил о сохранении имени В.В. Виноградова в перечне составителей первого тома, на что получил ответ: “Профессор, это невозможно!” (...) И, таким образом, сложилось парадоксальное положение: его имя значилось в томах, над которыми он, в связи с трагическими обстоятельствами своей жизни, не работал, и, наоборот – не значилось в первом томе, активным соавтором которого он был» [9]. Так разрешилась еще одна загадка «Словаря».

Д.Н. Ушакову и его команде приходилось держать оборону с нескольких сторон: от кликуш от науки с их политическими выводами и от собратьев по словарному делу и корифеев языкознания. Последние имели немало причин «не любить» «Словарь» и не только из-за какого-то личного нерасположения к Д.Н. Ушакову, всегда относившегося отрицательно к Н.Я. Марру и его сторонникам, – просто он был «конкурентом» ленинградского «Словаря русского языка» (не окончен), новая редакция которого разрабатывалась в те годы академиком С.П. Обнорским.

Чем же не угодил порезанный цензурой 1-й том «Словаря» 1934 года? Например, тем, что в списке источников были указаны «небла-

гожелательные» для советской идеологии имена: высланный из России романист Д.С. Мережковский, «неблагонадежные» знаменитая поэтесса Анна Ахматова, писатель и драматург Исаак Бабель, а также деятели революционного движения Бубнов и Радек, впоследствии репрессированные. Таким образом, была произведена идеологическая «зачистка» «Словаря», на которую по техническим причинам требовалось некоторое время. Так что новый первый том 1935 года вышел уже без указанных имен и цитирования их произведений.

Любопытно, что в сравнении с прежним неосуществленным проектом – так называемым «ленинским» толковым словарем (1920-е гг.) [10], здесь значительно увеличился подбор авторов и источников. В перечне фамилий, приложенных к I тому «Ушаковского словаря», значатся 173 имени, но и это далеко не полный список, куда не включены односложные фамилии и «такие, которые сократились бы (при соответствующем цитате упоминании в тексте. – *О.Н.*) только на одну гласную» (т. I. 1935. С. XVII–XX). Среди них – писатели, поэты, драматурги, историки, руководители государства и партии, деятели театра и просвещения, ученые и даже филологи и лингвисты (Ломоносов, Пыпин, Даль, Потеня, Шахматов) и др. Во второй том добавлены такие фамилии: Богданович, Вышинский, Гиляровский, Грановский, Добролюбов, Кокорев, В. Катаев, Литвинов, Марлинский, Михайлов, Островский, Случевский, Суриков, Серафимович, Федин, Фурманов, Чапыгин, Чернышевский. Таким образом, общий объем цитируемых авторов превышал, по-видимому, 200 имен. Пополнен и запас слов, извлеченных из периодики того времени: из газет «Известия» и «Правда». Используются также материалы «Большой Советской Энциклопедии» и «Малой Советской Энциклопедии».

К чести составителей словаря и, в первую очередь, его редактора Д.Н. Ушакова, удалось во многом отстоять его концепцию и избежать отбора слов по политическим мотивам. Лишь некоторым придали более подходящую историческому моменту стилистическую окраску и новые пояснения. И такие уступки составители были вынуждены делать только для того, чтобы сохранить «Словарь», не дать ему уйти в безвестность с «выводами» и «кампаниями», которые легко разыгрывались на фоне «контрабанды в языкознании» того времени. В таких случаях Д.Н. Ушаков говорил соратникам: «Моя главная забота – спасти словарь».

Архивные материалы и черновики «Словаря» дают возможность проникнуть в лабораторию творческой мысли его участников и понять трагизм духовной атмосферы того времени.

Так, слову *быдло* в издании 1934 г. была предпослана статья: БЫДЛО, а, ср., чаще *собир.* [польск. *bydło* – скот] (обл., бран.). О тупых, безвольных людях, покорных насилию (стлб. 212). В «Дополнениях и поправках к I тому» в графе «Надо» припечатано: «...насилию. || В устах помещиков-крепостников – презрительное обозначение крестьянской массы, как

безвольного, бессловесного и покорного стада, опекаемого помещиком». В этом виде данная словарная статья и вошла в первый том 1935 года.

Но бывало и наоборот. В первом томе 1934 г. давалось следующее толкование слова *бантист*: БАПТИСТ, а, м. [от греч. baptizō – крещу] (религ.). Последователь христианской секты, проповедующей добровольное крещение в сознательном возрасте (Стлб. 87). В «Дополнениях и поправках к I тому» в графе «Надо» дано такое добавление: «...возрасте и являющейся в СССР агентурой контрреволюционной буржуазии». В обновленном варианте первого тома «Словаря» 1935 г. осталось прежнее толкование без указанного «политико-семантического довеска».

Не менее интересна и история того, как создавался «Словарь», как работали столь разные ученые над одним изданием, какие возникали и обсуждались идеи – и многое ведь рождалось в дискуссиях, коллективных спорах, нередко у Д.Н. Ушакова на дому. Об этом сохранились черновые заметки С.И. Ожегова: «Толковый словарь начался на голом месте. Словник. Даль, Стоян. Новые материалы: мы читали газеты, военные уставы, политическую литературу, списки профессий Народного комиссариата труда, сельскохозяйственные книжки и технические брошюры, Цемент Гладкова и стихотворения в прозе, фельетоны Кольцова и купеческие романы Лейкина.

Так был составлен первый словник, а выборки продолжались все время» [11].

О некоторых особенностях работы С.И. Ожегов вспоминал: «Все эти материалы использовались впоследствии как цитаты. Между прочим, надо сказать, что стихи нередко цитировались по памяти, Д.Н. [Ушаков], например, знал наизусть по всем редакциям “Горе от ума”» [Там же]. Были и курьезные случаи: «В связи с составлением словника вспоминается, как однажды Д.Н. с шутливым сожалением говорил Н.Л. Мещерякову (одному из организаторов издания “Словаря”. – О.Н.) об отреченных метких острых словах и выражениях. Н.Л. подхватил это. “Мещеряковка”». Об Ушакове в этой связи сказано так: «Говоря о полноте словника, нельзя не упомянуть о любимом методе Д.Н. находить нюансы в многозначных словах, об эксперименте (глаголы, прилагательные, предлоги). Исписывал груды бумаги со всевозможными словосочетаниями, отыскивал объективно существующее и индивидуальное применение, употребление слова... Звонил по телефону» [Там же].

О внутренней атмосфере, о том, как работали и что обсуждали сами участники, сохранились лишь отрывочные сведения, но и они очень показательны: «⟨...⟩ 5 человек, один пишет, другой редактирует, потом к Д.Н. ... Академия. Ночные бдения (36–40 гг.)» [Там же]. Д.Н. Ушаков, как указывал С.И. Ожегов, «внес едва ли не самый большой вклад в пополнение словника, считал это первой обязанностью каждого участника».

Из этого видно, насколько насыщенной, энциклопедической по своей направленности была работа составителей: от изучения классической

литературы до специальных изданий и газет, и с каким энтузиазмом они взялись за осуществление такого нелегкого дела. Кроме того – и это была одна из важных задач «Словаря» – он должен был отразить *новую* лексику, вошедшую в употребление за последние 10–15 лет. И подобных слов-неологизмов в «Ушаковском словаре» немало: *женделегатка*, *женотдел*, *единоличник* («крестьянин, имеющий отдельное самостоятельное хозяйство»), *исправдом* («исправительный дом»), *колхоз*, *культпоход*, *культурник* («то же, что культработник»), *культурничество* («культурная работа в отрыве от политики»), *курсантка*, *продналог*, *продотряд*, *продразвёрстка* («система продовольственных заготовок в период военного коммунизма (1918–21 гг.), когда у крестьян, кроме бедноты, производилось принудительное изъятие с.-х. продукции»), *промтовары*, *промфинплан* и многие другие. Как можно заметить, круг новых понятий часто пополнялся за счет слияния основ существующих лексем в одно слово.

«Ушаковский словарь» фиксировал отражение в языковом фонде, как правило, новейших явлений, характерных для советской эпохи. Так, слово *метрополитен*, возникшее в регулярном обиходе в 1930-е годы, вошло в состав словника, поскольку уже стало известно широким социальным слоям населения. Хотя в данном случае (по архивным документам), чтобы включить это слово, требовалось согласование с «политической редакцией». Такой проверке подвергались и другие языковые факты.

Примечательно, что отдельные «новые слова» подавались без историко-культурной связи с прошлым – отмечалось только современное употребление лексем. Так, пометой «нов.» снабжено слово *курсант* – «1. Учащийся военной школы, курсов по подготовке командного состава... 2. Слушатель курсов» (т. I, стлб. 1555). О прошлом значении слова, встречающемся, например, в произведениях русских классиков, ничего не сказано.

Характерным явлением вхождения нового слова в языковой фонд эпохи стала многозначность таких лексем, которые «обрастали» не одним, а несколькими смыслами. Например, слово *культпоход* (помечено как «новое») имело три значения:

«1. Кампания по ликвидации неграмотности в кратчайший срок (офиц.). *Штаб культпохода Смольнинского района*. 2. Коллективное посещение спектакля, музея и т.п. (разг.). *Местком за весь сезон не устроил ни одного культпохода*. 3. Культурно-просветительская кампания. *К. за книгой*» (т. I, стлб. 1545). При этом дается отсылка к производному слову *культ*, которое специально выделяется в «Словаре» как «новое, официальное», в противоположность «книжному» («религиозное служение божеству»).

В «Словаре» отмечались не только неологизмы, но и новые, не употреблявшиеся ранее формы слов с современной тому времени семантикой. Например, от общеупотребительного глагола *использовать* образовано страдательное причастие настоящего времени *используемый*,

которое помечено как «газет. нов.» с расширением семантического объема слова. Для иллюстрации приводится такой пример: *Средства, используемые для достижения цели* (т. I, стлб. 1243).

Бесспорно, основная работа состояла в отборе, толковании и стилистической классификации лексики. В процессе подготовки и редактирования обсуждались и решались многие спорные вопросы.

Интересно проследить, как происходила обработка тех или иных слов и уточнение их значений, какие делались к ним добавления, а какие «идеологемы», наоборот, пришлось впоследствии изъять из словаря.

Примечательна стилистическая правка в словарной статье «БЕЛОГВАРДЕЕЦ» с пометой «новое». Первоначально в словнике было напечатано следующее: «Служащий в контрреволюционных отрядах (после октябрьской революции) // Контрреволюционер (как бранное слово)». После исправлений от руки осталось: «Сражающийся в рядах белой гвардии (см. гвардия) // Контрреволюционер (презрит.)» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 77). Этот последний вариант и был принят как окончательный за исключением одной детали: слово «контрреволюционер» в изданном тексте предваряла помета «перен.», а «презрит.» сняли и отнесли к другой статье «БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА» – «нов. презр.» (т. I, 1935. стлб. 120).

Отдельная статья (в печатный вариант «Словаря» не вошла), найденная нами в подготовительных материалах, называлась так: «БОЛЬШЕВИЦКИЙ» – «То же, что *большевицкий* [употр. в бело-эмигрантской печати]». Просматривая карманные блокноты Д.Н. Ушакова 1917–1918 гг., мы обратили внимание на приклеенную им показательную вырезку из газеты с таким четверостишием:

То «патриот», то «большевик»,
 Никак не мог спрямить свой лик!
 И хоть хмельного он не пил,
 Но вечно путался, бончил...

(Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 140. Л. 101 об.).

Опасное слово «МЕНЬШЕВИЗМ» имело такой первоначальный вариант объяснения: «Политическая теория, тактика, движение меньшевиков, соглашательское, оппортунистическое течение в рабочем движении», за которым следовал актуальный контекст: *«После пролетарской революции м. превращается в антисоветское, контрреволюционное течение»* (Архив РАН. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 22). После стилистической правки было выработано другое определение: «Политическая теория и деятельность меньшевиков, соглашательское, мелкобуржуазное оппортунистическое течение в рабочем движении» (иллюстрация к тексту оставлена без изменений). Наконец, «скорректированную» и, видимо, утвержденную политредактурой словарную статью в изданном I томе можно прочитать уже в

ином, более развернутом виде: «Мелкобуржуазное оппортунистическое антиреволюционное и антимарксистское течение, являвшееся агентурой буржуазии в рабочем классе, вместе с контрреволюционной буржуазией борющееся против Октябрьской социалистической революции, поддерживавшее иностранную интервенцию и являющееся одним из отрядов мировой контрреволюции» [4]. Заменена была и цитата.

Примечательно в этой связи высказывание известного филолога М.В. Панова: «Словарь был создан в эпоху “диктатуры пролетариата”, но авторы сделали все, чтобы он остался интеллектуально независимым, служил русскому языку, а не интересам партократии. Политическая терминология – вот та единственная область, где пришлось сделать уступку идеологическому натиску {...}» [12. С. 8].

К слову «БЕСИТЬСЯ» при дальнейшей работе над этой статьей было решено добавить фразеологизм «с жиру беситься», имеющий разговорный оттенок. Но и его исходное толкование «выходить из себя без повода от пресыщения, чудить, зазнаваться при хорошей сытой жизни» заменили на более лаконичное «Привередничать от чрезмерно сытой жизни» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 86). В такой редакции он и значится в словаре (т. I, 1935. Стлб. 126).

Семантика слова «БЕССОННИЦА» также претерпела некоторые изменения. В черновом варианте статьи дано: «Болезненная утрата сна», – зачеркнуто и сверху приписано новое: «Мучительное отсутствие сна, состояние, когда не спится» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 98). То же значение указано в I томе (1935. Стлб. 134).

Нередко составители вынуждены были подбирать примеры с социально значимым наполнением. Так, в черновом наброске статьи «МАДЬЯРСКИЙ» содержится такое объяснение: «*Прил. к мадьяры. М. Язык*». Далее от руки приписан такой текст: «*М. батальон* (батальон из пленных мадьяр – коммунистов, боровшихся за советскую власть во время гражданской войны)» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 6). Однако при печатании II тома по каким-то причинам его не воспроизвели (т. II, 1938. Стлб. 115).

Над качеством словарной работы надзирал целый штат сотрудников – от работников издательства, цензоров и аппарата Главлита до партийных функционеров. Каждый стремился внести свои поправки и давать авторскому коллективу надлежащие директивы, иногда курьезные, но чаще носившие политический характер. Об одном таком указании вспоминал М.В. Панов: «Цензор запретил слово *любовница*. Вон его из словаря! Потому что, объяснил уполномоченный, это слово старого быта и не нужно советскому человеку. А словарь должен оберегать нравственную чистоту нашего общества! Сошлись на компромиссе: слово появилось в словаре, но с пометой “устар.”, т. е. устарелое» [12. С. 9].

Немалый интерес для современных социолингвистических исследований языковой культуры сталинской эпохи имеют определения рели-

гиозных понятий и слов-«идеологем». Так, ранний вариант словарной статьи «БИБЛИЯ» сопровождался предельно кратким комментарием: «Свод книг так наз. священного писания у христиан, чаще книги Ветхого Завета» (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. № 104. Л. 108), но был заклеен в словнике небольшим листом с рукописным текстом иного, более приемлемого содержания с пометой «церк. лит.», который можно прочесть и в «Ушаковском словаре»: «1. Книги т. наз. священного писания у евреев. // То же, как часть священного писания у христиан, т. наз. Ветхий Завет. 2. Свод всех книг т. наз. священного писания у христиан, включая Ветхий и Новый Завет (реже)» (т. I, 1935. С. 139).

Любопытно мнение на этот счет самого Д.Н. Ушакова: «У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. “Много!” – говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в *боге-то* фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много» [13].

Редактор и составители «Словаря» находились в довольно сложном положении: внешне они должны были придерживаться идеологических установок и не допускать здесь никаких погрешностей, но, по сути, они сумели во многих случаях отстоять научный принцип издания и его лингвистическую, а не политическую направленность, главенство филологии над лозунгами победившего строя.

Как раз такой случай произошел со словарной статьей «ЛЕНИВЫЙ» – «праздный, не желающий работать», за которой следовал абзац «ЛЕНИНЕЦ» с цитатой из произведения Сталина, а через несколько строк после «ЛЕНИНСКИЙ» вновь «ЛЕНИТЬСЯ» (т. II, 1938. Стлб. 45). Это, естественно, не могло устроить цензора, и он потребовал включения нейтрального слова, разделившего бы столь неблагозвучное соседство, например, «ленинградец». Но такое вкрапление, даже единичное, нарушило бы принцип построения «Словаря» и отбора лексических единиц, который для языковеда, строго придерживающегося нормативных правил, неприемлем. По Д.Н. Ушакову, названия жителей городов не вошли в словник. И он отстоял свою позицию, хоть и давалось это очень нелегко.

Сейчас трудно сказать абсолютно достоверно о том, что спасло «Словарь» от, казалось бы, почти неминуемой гибели, которая в силу «исторического момента» могла оказаться трагедией и для участников этого проекта. Но все они, к счастью, за исключением В.В. Виноградова, избежали ссылок, ареста и еще более страшных испытаний. Думаем, что большую роль в этом сыграли несколько факторов.

Во-первых, с концептуальной точки зрения словарь не создавался на пустом месте, а имел традицию, с которой, хотим мы того или нет, приходилось считаться, тем более, что она все время соотносилась с именем Ленина.

Во-вторых, «Словарь» имел влиятельных покровителей в партийной среде – Б.М. Волина, Н.Л. Мещерякова, С.Б. Ингулова, вовлеченных в работу в той или иной мере и потому не способствовавших ее развалу.

Наконец, самая высокая инстанция в лице В.М. Молотова также, полагаем, была заинтересована в завершении издания. Д.Н. Ушаков осторожно писал об этом в юбилейной заметке в газете «Правда» 9 марта 1940 г.: «Но тревожные моменты наступали и позже – причина, по которой издание так затянулось, – и каждый раз нас выручал Вячеслав Михайлович. Так, после выхода первого тома дело страдало и прерывалось, например, от отсутствия авторитетной и квалифицированной политической редакции. Мнение Вячеслава Михайловича, что словарь надо довести до конца, позволило нам довести работу до последнего тома» [14].

Очевидно, вскоре после авторитетных указаний «сверху» и титанической работы самого лексикографического коллектива по пересмотру ранее подготовленного материала, согласованию его с многочисленными инстанциями очередные тома «Словаря» уже четко выходили год за годом: II – 1938, III – 1939, IV – 1940 г. Таким образом, он стал «первым законченным словарем в русской толковой лексикографии» того времени [15].

Не стоит думать, что ушаковская «дипломатия» (без нее нельзя обойтись) была подчинена конъюнктурным, корпоративным целям и свои часы сверяла с «генеральной линией». Мы приводили немало примеров самоотверженности, мужества и преданности составителей словаря подлинным научным ценностям. В дополнение процитируем высказывание С.И. Ожегова, вспоминая, между прочим, что даже в такой жесткой обстановке погромов и проверок авторитет и компетентность Д.Н. Ушакова были настолько сильны, что «в то время, когда все рукописи подвергались предварительному рецензированию или обсуждению, рукопись Т(олкового) сл(оваря) от Д.Н. непосредственно шла в издательство и типографию» [11].

Описанные нами события и загадки, связанные с «Ушаковским словарем», – отголосок того неспокойного времени, в которое жили и работали преданные науке ученые. И несмотря на все трудности, они оставались верны подлинной русской филологической традиции и культуре. По сути, история «Ушаковского словаря» – это целая эпопея! Она зафиксировала многое: историю страны, общекультурную атмосферу тех лет, личности, особенности лексикографической практики, полемику и дискуссии.... Наш рассказ о тех драматических событиях, надеемся, позволит с большей полнотой и объективностью оценить ту противоречивую эпоху, в которой под идеологическим «зонтиком» жили и работали настоящие словотворцы, осуществившие этот грандиозный замысел.

«Ушаковский словарь» и по сей день остается выдающимся памятником отечественной словесности, своего рода учебником жизни не одного поколения русских людей, черпающих с его страниц бесценные исторические и языковые факты эпохи.

Литература

1. *Ожегов С.И.* Памяти Д.Н. Ушакова. 10 лет со дня смерти // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 450–451.
2. *Никитин О.В.* Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1934.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. М., 1935.
5. *Казимирский К., Аптекарь М.* Игруны // Лит. газета. 1935. 20 окт.
6. *Ушаков Д.Н.* Вокруг «Толкового словаря» // Лит. газета. 1935. 15 нояб.
7. *Никитин О.В.* Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: Сб. в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюн-напа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu, 2006. С. 459–474.
8. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани, 2012.
9. Памяти Д.Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) [публикация Н.Д. Архангельской и Т.Г. Винокур] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 51. № 3. С. 79–80.
10. *Никитин О.В.* Из истории советской лексикографии 1920-х гг. (русский «Лярусс» и его создатели) // Scando-Slavica. 2004. Т. 50. С. 23–46.
11. *Ожегов С.И.* 30-летие со времени начала работы над словарем Д.Н. Ушакова / вступление, подготовка текста и примечания О.В. Никитина // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 453–458.
12. *Панов М.В.* Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова // Толковый словарь русского языка. Т. I / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
13. *Бабкин А.М.* Из лексикографического архива // Современная русская лексикография: 1981. М., 1981. С. 152.
14. *Ушаков Д.Н.* Судьба одной ленинской идеи // Правда. 1940. 9 марта.
15. *Левашов Е.А.* Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998. С. 359.